

Т.В. Фаненшитиль (Барнаул)

ИНТЕГРАЦИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПОДХОДОВ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ АНАЛИЗЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В философской и социогуманитарной мысли существовало и продолжает иметь место стремление к обобщению многочисленных подходов. Производится это с целью оптимизации исследования предмета социально-философского знания. Взяв пограничность за основу характера повседневного взаимодействия социальной реальности и субъекта, мы приходим к необходимости постановки исследования через противопоставление присущих повседневности характеристик.

Однако изучение характеристик повседневности в рамках социогуманитарных наук производится с применением различных подходов. Задаваясь целью целостно рассмотреть характер повседневного взаимодействия социальной реальности и субъекта, мы необходимо должны обратиться к методологическим тенденциям и вариациям, так или иначе выявляющим содержание повседневности и ее пограничный характер.

Так, разработка структурных характеристик повседневности прежде социально-философского поля была произведена в тех отраслях социогуманитарного знания, которым доступны методы выделения макроструктур и изучение социального микроуровня жизни: в области исторических, культурологических, в ряде социологических исследований. Например, статические характеристики повседневного взаимодействия логично обнаруживаются в исторических исследованиях, где возможно выделить глобальные структуры накопленного повседневного опыта. Мир-системный анализ Ф. Броделя, Ж. ле Гоффа, И. Валлерстайна, А. Лефевра осуществляет попытку универсализировать изучение повседневной жизни человека, сделать его научно системным. А. Лефевр подчеркивает опосредующий характер повседневности между социальными условиями существования конкретного субъекта и его природой. Однако культурное, по большому счету, производство повседневного опыта указывает на плачевные

последствия рационализации: «...Структуры — естественные и социальные — ... раньше не были предметом познания и именованя. Одновременно и связанные друг с другом, и различающиеся, они были частью недифференцированного целого» [1, с. 185]. Предельно рациональное понимание повседневности как набора функций выявляет статику повседневности, однако почти исключает ее динамику, нерационализируемую составляющую и вместе с этим лишь подчеркивает непонимание целостного характера повседневности. Именно здесь и оправдывает себя интеграция междисциплинарных подходов, так как возможность нисхождения на уровень субъектной конкретики предполагают уже социальные исследования. И тогда: «... обыденную жизнь, функцию теорий обыденной жизни и определенных практических действий можно тематизировать различными способами, например, исходя из субъекта, из объективно существующего мира тел, из социальных отношений, из процесса языкового общения или из становящихся автоматическими действий», — заметил Б. Вальденфельс [2, с. 39].

Феноменология обращается к анализу роли субъекта в повседневном взаимодействии в контексте проблемы репрезентации его телесности. Феноменологический подход, выявляя и настаивая на неизбежной субъективности повседневного опыта, ставит под вопрос возможности субъекта вырваться из плена субъективности личного опыта и естественной установки, ставит под сомнение сам факт существования мира и его реальности, а также легитимность субъектной телесности. М. Мерло-Понти, занимаясь исследованием в этом направлении, считал, что, направленность мира к человеку и человека к миру — это символ их единства, а не их раздробленности и противостояния.

Также сохранить определенное равновесие статики и динамики, ссылаясь на структурные особенности повседневности, пытается в своем исследовании И. Гоффман. Он объективирует повседневность в качестве той или иной ситуации, предполагающей свою структуру и технологию,

организацию, возможность познания. Элемент всеобщей предзаданности алгоритмов поведения, правил поведения с целью сохранения социального порядка, а также элемент, определяющий специфичность социальной реальности местом той или иной ситуации, своеобразным критерием отбора нужных алгоритмов и правил из всего многообразия И. Гоффман сводит к проблематике взаимодействия с самым «нижайшим» структурным элементом непосредственного существования человека – фреймом. Среди вышеперечисленного И. Гоффман отдает предпочтение именно восприятию и поведению человека всех установленных сверху регламентов ситуаций.

Возможность проанализировать динамику повседневности, а также обратиться к анализу ее содержания через тактики и стратегии практик, как языковых, так и фоновых позволяет анализ прагматики повседневного языка и постулат следования правилу, предложенный еще Л. Витгенштейном. Противостояние этому содержанию повседневности выявляет возможность самоинтерпретации в повседневном опыте и действиях, что тесно связано с медиальностью повседневности, которая в свою очередь противопоставляется выявленной ранее ее исторической и социальной контекстуальности.

Контекстуальность и медиальность повседневности в призме репрезентации телесности субъекта выражаются через противопоставление наглядности и подручности повседневности. Подручное неоднократно выявляется исследователями в использовании слов, вещей. Подручность указывает на действия и поведение конкретного субъекта и незаметность этого для общего социального контекста, а также на то, что субъект изначально обнаруживает себя в контексте подручного, а не создает этот контекст. Наглядность повседневности можно рассматривать, как это предлагает В.Н. Сыров [3], через систему методов аналитической философии, где повседневность понимается как специфическая знаковая система.

Осмысляя повседневность в категориях присутствия и значения, Х.У. Гумбрехт веско аргументирует в пользу второго, однако не отрицает того, что именно состояние постоянного несовершенного перехода между значением и присутствием обеспечивает совмещение и акцентирование столь противоречивого характера повседневных практик. Существует понимание того, что нет четкой границы перехода между присутствием и значением, между сказанным словом и написанным, между чтением и письмом, между чтением и речью. Переход повседневности из присутствия в значение – возвратно-поступательное движение «раскрытия» и «удаления» [4, с. 78], как пишет Х.У. Гумбрехт.

Соединяя преимущества структурного и феноменологического подходов к повседневности через взаимосвязь категорий перформанса, ритуала и мимезиса, К. Вульф в рамках исторической антропологии рассматривает повседневное взаимовлияние субъекта и социальной реальности, которое удерживает и формирует социальность.

При анализе структуры повседневности, в исследованиях И. Гоффмана, К. Вульфа, Б. Вальденфельса, а также А. Шюца мы сталкиваемся со следующим показателем. Повседневность, представляющая собой огромный пласт периферийного существования для научного исследования единственно, когда может обнаружить себя – это в момент нарушения алгоритмов, структур, границ. И исследование сводится к выяснению этих самых границ.

Во многом это связано с тем, что повседневность и повседневные практики определяются как отсутствующий дискурс. Поэтому при создании теории повседневных практик можно подойти к ним как к видам процедур – схематического осуществления действий (алгоритмов) – и выявить повторяющееся. Однако исследовательская деятельность И. Гоффмана и М. де Серто показывает, что подобный ракурс может лишь сфабриковать театр повседневных практик, но не раскрыть их действительных особенностей. Подобная угроза всегда существовала и относительно структурных методов

анализа повседневности. Для того чтобы учесть эту опасность, теория должна описывать свои границы, пределы возможностей, правила производства. Повседневные практики относятся исследователями к роду второстепенных практик, именно потому, что их задача вовсе не организовывать дискурс, обладая системообразующим значением, а присутствовать, и за счет присутствия организовывать становление как индивидуального тела субъекта, так и коллективного.

Учитывая такие особенности повседневных практик, теория может избежать опасности кругового замкнутого на саму себя движения, когда она, создавая модели реальности, пытается учесть изучаемую реальность и, при этом, позволяет существовать лишь своему видению и пониманию этой реальности, которые основаны в свою очередь на возведенных моделях. Есть и иная опасность, можно сказать, прямо противоположная (о чем предупреждают П. Бурдьё, И. Гоффман, М. де Серто). Речь идет о том, что теория повседневных практик может предстать в виде перечисления ситуаций, или анализа тактик описания ситуаций. Этому может поспособствовать неверно истолкованное положение К. Вульфа о том, что каждая повседневная ситуация уникальна и одновременно с этим обладает «семейным сходством» [5]. Так перечислив их, а, затем, разбив на виды по тем или иным основаниям, якобы мы можем выделить сущностные особенности данного вида практик. Однако это далеко не так. В свое время это доказывает структурный анализ повседневности: структура повседневности вовсе не есть нечто неизменное и раз и навсегда данное, скорее это попытка схватить содержательное ядро повседневного уровня взаимодействия социальной реальности и субъекта, с целью разобраться в нем.

Преодолеть своеобразную одномерность, одноплоскостность, внутреннюю недифференцированность в описании повседневного взаимодействия человека и общества помогает, с точки зрения В.С. Барулина, «вертикальная» или уровневая методология, которая работает на

аналогии внутреннего устройства человека и дифференциации общественного мира. В.С. Барулин указывает, что приоритет общественных уровней над человеческими – это не реальная данность, а методологический прием. Однако для нашего исследования методологические изыскания отечественного мыслителя являются еще одним аргументом в пользу социально-философского анализа, имеющего возможность выстраивать интеграцию междисциплинарных подходов изучения повседневности и ее пограничного характера, сочетая в себе основы структурного метода, теорий практик языковых и фоновых, феноменологических методов философии и теории социологии, социального интеракционизма, уровневой методологии. Подобные изыскания создают возможность целостного рассмотрения содержания повседневности, которое и может быть выявлено в ходе противопоставления ряда ее характеристик.

Библиографический список

1. Лефевр, А. Повседневное и повседневность / Анри Лефевр // Прогнозис. – 2010. – №1(20). – С. 185-189.
2. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигель рациональности / Б. Вальденфельс // Социологос. – 1991. – Выпуск 1. – С.39-50.
3. Сыров, В.Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) / В.Н. Сыров // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т.2. Спец.выпуск. – С. 147-159.
4. Гумбрехт, Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение / Х.У. Гумбрехт, пер. с англ. С. Зенкина. – Москва: Новое литературное обозрение, 2006. – 184 с.
5. Вульф, К. К генезису социального / К. Вульф. – Санкт-Петербург: Интерсоцис, 2009. – 164 с.